
ЮСЯ
КАРНОВА
Welcome to
SILVER SHORES
FLORIDA
Мой парень —
ОБОРОТЕНЬ

Юся Карнова

Мой парень - оборотень

https://litres.ru/74727179
SelfPub; 2026

Аннотация

Есть тайны, которые лучше никогда не знать. Семнадцатилетняя Леся приехала во Флориду по обмену — и открыла дверь именно в такую: её парень оказался оборотнем. И с каждым превращением зверь становится злее.

В отчаянии она пишет пост на форуме и находит тех, кто знает о волках больше, чем весь интернет. Вдвоём с Тео они едут от заснеженной Аляски до гор Тибета — за ответом, которого нет в Сети.

Что ждёт впереди: спасение или вечная тьма? И готова ли Леся заплатить цену, которую потребует тайна?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юся Карнова
Мой парень - оборотень

Глава 1

Привет! Меня зовут Леся, мне 17, и мой парень — оборотень. Я узнала об этом случайно неделю назад, когда Тео поругался с Бруклином во время просмотра футбольного матча. Тео не выдержал — рука дёрнулась раньше, чем он успел её сдержать... и на щеке Бруклина осталась кровавая полоска от звериных когтей. Увидев это, Тео сбежал.

Я побежала за ним и увидела своими собственными глазами его превращение. Сначала его ногти с сухим скрежетом начали удлиняться, потом каштановые волосы становились серее и длиннее, а на руках сквозь кожу начала прорастать густая звериная шерсть, рвя футболку в клочья. Тео упал на колени, его тело ломало привычные очертания, и он окончательно превратился в волка — огромного пепельно-серого волка с длинными жёлтыми клыками и жуткими звериными глазами, в которых мелькнуло что-то до боли знакомое, будто человеческая часть Тео смотрела на меня изнутри этого зверя...

Мне было страшно. Безумно страшно. Страх буквально

перекрыл мне кислород, и я изо всех сил прижималась к дереву, за которым пряталась от Тео. Я смотрела на него сквозь листву, и мне так хотелось подойти к нему, поговорить, успокоить, но ноги как приросли к земле, а Тео убежал в чащу леса.

Я вдруг вспомнила, что во Флориде, где я учусь по обмену из России, пропадают люди. В городе шепчут, что это волки. Они всё чаще выходят на улицы, а по ночам нападают на людей. В новостях чуть ли не каждый день мелькают фотографии новых жертв, и я боюсь, что это дело рук Тео... Или того, кто живёт внутри него...

На следующий день в школе он избегал меня. Как только Тео видел меня, он делал вид, что занят, или вовсе уходил, лишь бы не встречаться со мной. И лишь однажды мне удалось подойти ближе, но он резко свернул за угол, оставив после себя лишь запах хвои и последождевой свежести своих духов.

Бруклин говорит, что он опасен для общества и скоро навсегда станет волком, но я не верю ему. Вчера после уроков он поймал меня у шкафчиков и прошептал: «Лесь, забудь уже о нём. Пойми, это не просто перемена во внешности — это голод, животный голод, что с каждым превращением становится лишь сильнее. И боюсь, что однажды он больше не сможет его контролировать. И сожрёт тебя».

А я не могу его забыть... Я люблю его... Люблю того Тео, что заглядывается на чирлидерш, но всё равно остаётся со

мной, обожает пиццу с ананасами и смеётся над глупыми шутками Бруклина.

Я не знаю, что мне делать... Я не хочу потерять его, но и не знаю, как помочь. Помогите мне, прошу вас... Кто чем может...

Такой пост оставила Леся на одном из форумов про оборотней и решительно захлопнула ноутбук. Жалела ли она о том, что выставила свою самую сокровенную боль на всеобщее обозрение? Быть может... Но назад пути уже не было: всё, что выставлено в Интернете, останется там навсегда, даже если пост давно удалён...

Она плюхнулась на кровать и закрыла глаза. Но образовавшаяся темнота лишь ярче подсветила ужасные воспоминания того вечера. Она снова увидела те глаза: янтарные, словно мёд, с тонкой чёрной полоской вокруг радужки. Они кричали: «Помоги мне. Ты можешь, я знаю».

Она резко отвернулась к окну, спасаясь от этих навязчивых образов. Дождь барабанил по стёклам, как сумасшедший, размывая пейзажи, но Леся их и так не видела. Её взгляд застыл где-то между стеклом и собственными мыслями, проваливаясь в бесконечную пучину под названием «а что если бы я тогда...».

Вскоре сознание начало размывать не только деревья за окном, но и всю комнату. Свет ламп тускнел, шкаф стал размытым непонятным месивом, а стены уплывали всё дальше

и дальше, и девушка провалилась в сон.

Проснулась она уже на рассвете. Дождь к тому времени уже давно закончился, оставив после себя лишь воспоминания да лужи на дорогах... Но солнце не спешило радовать своими лучами, небо оставалось уныло-серым — дождь вот-вот начнётся ещё раз. А потом ещё и ещё.

Леся налила себе чай и открыла ноутбук. На нём всё ещё был открыт тот сайт про оборотней и другие мистические штучки. Вот только на её посте появились комментарии. И не просто 1–2, а сотни. Они крутились бесконечной лентой из слов и смайликов. Десятки людей с разных уголков нашей необъятной планеты делились своим опытом или опытом своих близких. Кто-то рассказывал леденящие душу истории о встрече с оборотнем в заброшенном доме где-то на окраине маленькой забытой Богом деревушки, кто-то клялся, что видел превращение своими собственными глазами и оно было совершенно другим, не таким, как описывала она в своём посте, а кто-то делился советами по «излечению» от этой «болезни» — от древних заговоров и ритуалов у костра до сомнительных советов про осиновый кол и жертвоприношение.

Среди этого хаоса встречались и «умники», пишущие о фазах Луны, генетических мутациях и редких синдромах, пытаясь объяснить необъяснимое с научной точки зрения. Один пользователь под ником Lunahod расписывал целые таблицы лунных циклов, утверждая, что именно полнолу-

ние запускает необратимые изменения в организме оборотня и он бежит к волчьей стае по зову инстинктов. Другой, называвший себя Генетик Level100, сыпал терминами вроде «гиперэкспрессия генов» и «мутационные отклонения класса Z». Были и те, кто просто писал слова поддержки и сочувствия: «ты не одна такая, девочка, мой брат тоже наполовину волк», «всё будет хорошо, не зацикливайся», «Держу за тебя кулачки. Если будет совсем плохо, пиши — я просто посижу с тобой в чате, чтобы стало чуть легче».

Девушка погрузилась в чтение. Время летело со скоростью света. Её чай уже давно остыл, покрывшись холодной плёночкой, что напрочь убивала его прежний вкус. Жалюзи, что висели на окне, отбросили тень на её ноутбук, превратив клавиатуру в чёрно-белую мозаику с буквами. А Леся всё читала и читала, периодически задавая вопросы авторам комментариев.

Так у неё завязалась личная переписка с Майей, Джорданом и Альбиной. Они жили в разных городах, но их комментарии отличались от остальных. Они казались не просто бессмысленными советами, а реальным жизненным опытом.

Майя из Сиэтла делилась историями из старых семейных дневников — двоюродная сестра её мамы когда-то состояла в тайном волонтёрском сообществе, что помогало оборотням находить равновесие между человеком и зверем, чтобы хоть как-то состоять в человеческом обществе.

Джордан с Аляски рассказывал про своего дедушку: тот

тоже оборотень, и только бабушка смогла приручить его дикую натуру. Он описывал какие-то свои воспоминания из детства, свой страх, поступки бабушки.

Психолог Альбина из Кемерово присылала старинные записи, что смогла найти в интернете, выискивая в них крупицы чего-то похожего на то, что происходило с Тео, пытаясь выяснить природу этих превращений с точки зрения психологии.

Леся твёрдо решила помочь своему парню во что бы то ни стало. Она даже договорилась с Джорданом о встрече. Он пообещал познакомить её с дальними родственниками, что могли знать больше, чем пишут в Интернете. Оставалось только уговорить Тео на эту поездку.

Вечером, когда пришла пора собираться на баскетбольный матч, где играли Тео и Бруклин, за Лесей пришла Эмма, девушка Бруклина. Они переоделись в фанатские футболки, натянули на руки яркие браслеты с флагами команд и отправились на игру. В коридоре непривычно пахло горячим попкорном. Автомат по его приготовлению установили за пару часов до матча, чтобы поднять настроение зрителям.

Полный зал фанатов и отсутствие свободных мест красноречиво намекали на напряжённую борьбу. Поэтому пришлось весь матч стоять у холодных железных ограждений, пытаясь перекричать толпу фанатов.

Леся не сводила глаз с Тео. А он изменился. Его движения стали более резкими, а взгляд был холодным — волк внутри

него медленно пожирал всё человеческое, что ещё было живо. Он всё чаще злился после каждого пропущенного мяча, скалил зубы, всё больше пробуждая зверя, что жил внутри. Девушка видела, что его нервы на пределе и вот-вот случится неизбежное, и вся школа увидит того ужасного голодного волка, что она видела в тот вечер.

К счастью, матч закончился быстрее, чем она ожидала, и Тео с Бруклином и другими ребятами скрылись в школьной раздевалке. Леся с Эммой дождались, пока фанаты разойдутся, и побрели к выходу. Едва они вышли из зала, как услышали крики. Это был Бруклин. Он снова кричал на Тео из-за пропущенного мяча, как вдруг Тео развернулся и пулей выбежал из стен школы, распахнув двери с такой силой, что они были готовы разлететься в щепки. Не думая ни секунды, Леся рванула за ним, бросив сумку на пол.

Наконец она приблизилась к нему так близко, что смогла коснуться его руки. Его пальцы удлинялись, покрываясь шерстью, а на кончиках уже проступали звериные когти, но ладонь всё ещё оставалась по-человечески тёплой.

- Тео, постой, — начала девушка, вцепившись в его пальцы.

- Отстань от меня! — огрызнулся он и вырвал свою руку из её ладошки.

Его острые когти царапнули её пальцы, и алые капли крови выступили на нежную поверхность кожи, собираясь в крупные бусины и медленно поползли вниз, ударяясь о зем-

лю. От вида крови его глаза сменили цвет, на секунду став теми злыми волчьими, что Леся так боялась. В них мелькнуло что-то хищное, голодное, дикая жажда крови, от которой у неё по коже пробежали холодные мурашки. Ей стало дико страшно, что он набросится на неё прямо сейчас и вся его человеческая сущность в один миг сгорит в этом диком необузданном пламени. Но несмотря на страх, она не отступила, лишь спрятала окровавленную руку за спину, дабы не провоцировать зверя видом крови. Она надеялась, что это спасёт его от той тёмной бездны, в которую он вот-вот упадёт.

- Тео, я хочу помочь, доверься мне... — снова заговорила она, протягивая ему вторую, невредимую руку.

Но было уже слишком поздно. Его лицо всё меньше напоминало человеческое и всё больше волчье: из-под волос на голове начали проступать уши, а нос и рот сливались в грозную волчью пасть.

- Мне уже ничего не поможет! — прокричал он, и его голос прозвучал неожиданно глубоко и грубо, будто рождался не в горле, а где-то в груди, там, где наружу лез волк, ломая рёбра изнутри. Он подошёл к ней так близко, что мог бы обнять, но боялся причинить боль. — Ты не понимаешь, что со мной происходит. Каждый день я чувствую, как он растёт, как впивается в меня изнутри... Голод, злость, тоска — теперь для меня это не просто слова, это чувства, что ломают во мне человека. И я уже не могу это сдерживать... Уходи,

пока не стало слишком поздно...

На этих словах его лицо окончательно превратилось в волчью морду, и он сбежал, вильнув хвостом на прощанье, словно побитая собачонка, которой стыдно проиграть бой, но биться на смерть она не готова.

А Леся стояла на месте, не в силах пошевелиться. Её рука всё ещё пряталась за спиной, и кровь медленно сочилась сквозь пальцы, пачкая юбку. Боль пульсировала на кончиках пальцев так же сильно, как страх сжимал её сердце, заставляя дышать через раз.

Спустя час она всё же пошла домой. Медленно, еле двигая ногами. Ей хотелось плакать от безысходности, забившись в уголочек, где никто не увидит её слёз, но тихий голос внутри просил быть сильной и не оставлять попыток поговорить с Тео. Быть может, в состоянии спокойствия он всё же откроется... Быть может, именно эта её стойкость станет для него тем якорем, что поможет ему удержаться на плаву в этом водовороте страстей...

У дома её уже битый час ждала Эмма. Девушка просто не могла оставить подругу в беде. Она всегда отдавала всю себя друзьям без остатка, порой не задумываясь о последствиях. Даже сейчас вместо того, чтобы сидеть дома и смотреть сериалы, она сидела на верхней ступеньке крыльца дома подруги, обхватив колени руками, и время от времени поглядывала на часы. А рядом с ней на ступеньку ниже стояла картонная коробочка из их любимой пекарни. Из неё всё ещё

пахло корицей и орехами. Именно так пахнут любимые Лесей синабоны, а в этой коробочке скрывались именно они.

- А я твои любимые булочки принесла, — обнимая подругу, заговорила Эмма. — Официально разрешаю тебе съесть всю глазурь ложкой со всех четырёх!

Леся робко улыбнулась в ответ. Хоть сейчас ей и совершенно не хотелось с кем-либо разговаривать, Эмму она всё же впустила в дом. Эмма сразу же поставила чайник, разогрела булочки в духовке так сильно, что глазурь белыми ручейками потекла на пергамент, обнажая золотистые завитки теста, и достала кружки. Одну из них она подарила Лесе на недавний день рождения: ярко-оранжевую с милым котиком в наушниках. Почему-то именно этот котик напомнил ей о Лесе, и она купила именно эту кружку в качестве подарка. Именно в ней она заварила ромашковый чай для подруги, а для себя — обычный чёрный в обычной белой неприметательной кружке, коими был заполнен весь дом.

Девушки устроились на кухне. Запах выпечки затуманил разум Леси, и она принялась ложкой счищать ещё тёплую глазурь, пытаясь захватить как можно больше орехов. А когда глазури уже почти не осталось, принялась и за сами булочки, пачкая нос и щёки терпкой корицей, от которой хотелось чихать без остановки.

Эмма пыталась разговаривать с ней, но не о Тео и оборотнях или о том, что произошло сегодня на школьном дворе, а о своём девчачьем: о моде, косметике, танцах и той дурац-

кой причёске у чирлидерши на прошлом матче, где Бруклин впервые не забил ни единого гола.

Они проболтали до поздней ночи. Но даже когда на улице стало совсем темно и холодно, Эмма не спешила уходить. Как никто другой, она понимала, как важно сейчас отвлечь подругу от тех мрачных мыслей, что сотнями ядовитых змей кишат в её голове.

А по другую сторону города, в тёмном доме, сидел Бруклин.

Он не зажёг ни единой лампочки. Просто сел на кухне у окна и смотрел, как тонкая полоска лунного света лежит на столе. Его щека горела. Кровавая полоска от когтей уже подсохла, но кожу под ней всё ещё тянуло.

Брук не думал о боли. Он давно перестал её замечать. Он думал о тех трёх секундах, что разделили всё на «до» и «после»: аргумент, вспышка — и он успел заглянуть Тео в глаза. В них не было ни друга, что годами сидел с ним на одной скамейке в раздевалке. Ни человека. Только голод — холодный, ровный, как эта лунная полоса на столе.

А потом зверь сбежал в темноту и уже не оглянулся.

Раньше он оглядывался всегда.

Наутро, в школе, Бруклин сказал Лесе: «Однажды он навсегда станет волком». Произнёс это твёрдо, как факт, который давно проверил. Но, говоря это, всё ещё надеялся, что ошибается. Что человеческий разум Тео в последнюю секунду окажется громче волчьего рыка.

А теперь... А теперь он узнал, что не ошибся. Оказаться правым оказалось хуже всего на свете... Брук всегда видел худший сценарий раньше других — и всегда верил, искренне верил, что на этот раз промахнётся. Не промахнулся.

То, что он боялся представить в самом страшном сне, потихоньку становилось явью. Школа. Коридор у шкафчиков. Тео выходит из класса, Бруклин машет ему рукой, а Тео проходит мимо. Не злится. Не отворачивается. Просто проходит — как мимо незнакомого человека. Это было обидно. До смерти обидно...

Он начал перебирать мелочи на столе: солонка, перечница, кем-то забытая чайная ложка и снова солонка. А память всё равно упрямо выдавала обрывки прошлой дружбы. Как Тео стучит мячом три раза перед броском. Всегда три, будто договорился с самим собой, и если кто-то заберёт у него третий стук — он и бросать не станет. Как он пишет в переписке «прив» вместо «привет», потому что лень дописывать две буквы. Как смеётся над его дурацкими шутками — а Бруклин никогда ему не признавался, что половину этих шуток он выдумывает нарочно. Просто чтобы было весело.

Если однажды Тео навсегда станет волком — всё это станет лишь воспоминаниями. Болезненными, тяжёлыми.

Он встал и подошёл к окну. В тёмном стекле отразилось его лицо — и светлая полоса поперёк щеки. Он провёл по ней пальцем и понял: рана не заживёт до конца. Она не на коже, она между ними, как пропасть.

Каждое превращение вычёркивало из Тео по строчке. Сегодня вычеркнули Бруклина, завтра Лесю, послезавтра Флориду...

Он вернулся к столу и сел. Полоса лунного света медленно ползла по столешнице — дом поворачивался к ночи другим боком.

И в этой темноте Бруклин решил, что не будет сидеть и ждать понедельника.

Если зверь заберёт его друга, он отвоюет его обратно. А если обратно уже никак — остановит. Как угодно. Чем угодно...

Глава 2

Наутро Леся еле встала с кровати. Будильник раздражал сильнее обычного — его монотонный писк проникал прямо в голову, заставляя виски пульсировать от невыносимой боли. Её глаза отказывались открываться, ресницы слипались между собой, не пропуская свет сквозь них. Потирая глаза, Леся подошла к окну, открыла жалюзи и замерла на месте. Сон как рукой сняло, уступая место страху. Леденящему душу страху...

Недалеко от её дома, прямо на мокрой от утренней росы траве, свернувшись калачиком, лежал Тео. Он дрожал от холода, а на его голой спине красовались длинные кровоточащие следы от волчьих когтей: местами они уже подсыхали, но где-то оставались свежими, и из них всё ещё сочилась кровь, будто кровожадный зверь полоснул его совсем недавно.

Она выбежала из дома босиком, забыв не только причесаться, но и сменить пижаму на нормальную одежду. Холодные капли росы мгновенно покрыли её ноги, но она совершенно не замечала холода. Подбежав к нему, она осторожно коснулась его плеча. Кожа была ледяной, словно ночь вытянула из его тела всё тепло, не оставив ни капли. Парень спал, как младенец, и, видимо, совершенно не помнил, что про-

изошло этой ночью.

- Тео, — шёпотом сказала она, боясь случайно разбудить волка вместо своего парня. — Тео, проснись...

Он приоткрыл глаза, но в них совершенно не было жизни, лишь пустота и рассеянность — он не понимал, кто он, где и кто перед ним. Но уже через мгновение понимание вернулось, и он скорчился от боли, осознавая, как сильно болит спина.

- Леся? — спросил он чуть слышно, оглядываясь по сторонам. — Что я здесь делаю?

- Не знаю... Но ты ранен, пойдём, я остановлю кровь.

Они прошли к Лесе в дом. Она налила ему горячий чай, чтобы хоть как-то согреть, достала аптечку, перекись, вату, бинт и приступила к обработке. Едва девушка коснулась пропитанной перекисью ватой раны, Тео зашипел, но потом неожиданно заговорил:

- Нет мне места среди людей, но и в волчьей стае я чужой...

- Значит, это были волки? — спросила Леся, пряча от него использованные бинты, чтобы он не видел, сколько крови на них осталось.

- А кто же ещё? Чувствуют, собаки, что я волк лишь наполовину... Для них я изгой... Как и для людей...

- Расскажи мне, как ты стал оборотнем, — попросила девушка, заглядывая в его глаза, но парень не спешил начинать свой рассказ.

Вместо этого он взял её руку в свою. От её рук всё ещё

пахло кровью и перекисью, и от этого запаха волосы на его руках встали дыбом, готовясь к превращению. На мгновение его глаза вспыхнули янтарным блеском, но Тео быстро взял себя в руки.

- Мне было 15. Я проснулся среди ночи от яркого лунного света, что освещал моё лицо из открытого окна. Такая круглая, холодная... Она невероятно сильно манила к себе, звала куда-то... Я вышел на улицу и сразу заметил свои руки. Они полностью покрылись шерстью, а пальцы слились друг с другом, превращаясь в волчьи лапы. Что было после, я не помню... Всё было как в тумане: запах леса, сырой земли и хвои, волчий вой, что отзывался внутри, будто всегда был частью меня, и дикий голод, который я не испытывал никогда раньше... А потом пустота — я не помню ничего... Я проснулся дома, на полу, весь в земле и осенних листьях, будто меня за шкирку притащили туда. Тогда-то отец и рассказал мне о том, что в моём роду были волки. Я сначала не поверил, решил, что он шутит в надежде, что я оставлю этот ночной кошмар позади, но когда я начал изучать семейное древо, всё встало на свои места.

Он замолчал и обхватил уже пустую чашку руками. Её тепло проникало сквозь пальцы, пробираясь по венам всё выше и выше, но увы, не могло согреть его скованную диким холодом одиночества душу.

- Род неожиданно прервался на прабабушке. До неё — пустота, но этого просто не может быть. Дети не появляются из

ниоткуда. Год я пытался выяснить, кто её родители, бабушки, дедушки... Листал альбомы, искал родственников, что могли хоть что-то знать, как вдруг наткнулся на семейный архив о страшном пожаре. Это был детский дом, что сгорел дотла, и лишь один годовалый ребёнок не просто выжил, а лежал на пепелище целым и невредимым, будто пламя просто не посмело его тронуть.

- Этим ребёнком была твоя прабабушка?

- Да, — тихо подтвердил Тео. — Но с этого пожара странности только начинались. В городе начали пропадать люди, а леса наполнились волчьим воем. Люди боялись выходить на улицы по ночам, запирались на все замки, и только эта девочка спокойно разгуливала возле леса в любое время суток. Поговаривали, она дружила с волками. Кто-то даже видел на её плече странный шрам, напоминающий волчьи когти, — метку, знак „её трогать нельзя“.

По рукам Леси пробежал холод. Эта ужасающая история не укладывалась в голове. Слишком много потустороннего в ней было, слишком много боли и тайн...

- Получается, что зверь всегда жил в тебе и в ту ночь впервые проснулся? — осторожно спросила она, сжимая его ладошки в надежде этим жестом не дать ему снова провалиться в тот кошмарный туман воспоминаний.

- Получается так...

- Если это тянется сквозь поколения уже не один десяток лет, то, возможно, в этой истории и кроется ключ к отгадке.

Ты так не думаешь?

- Думаю. Вернее, думал. И честно искал. Искал всё, что мог, но натыкался лишь на пепел и гробовую тишину... Документы сгорели вместе с детдомом, свидетели умерли, а те, кто хоть что-то знал, предпочитали молчать, даже под страхом смерти...

- Тогда мы будем искать вместе. Я договорилась с одним человеком...

Она открыла ноутбук и рассказала Тео о своём посте на форуме, о сотнях комментариев, о Джордане, Майе и Альбине и их историях. О предложении Джордана приехать к нему. Даже показала его последнее сообщение: «Приезжайте, у нас места тихие, лес далеко. Удержать зверя здесь будет легче. И дед мой знает кое-что интересное. Он, кстати, сейчас не очень, но всё равно говорит: приезжайте. Хочет познакомиться с ещё одним оборотнем. Говорит, что в стае легче». После недолгих уговоров Тео всё же согласился поехать к нему, лишь бы узнать хотя бы крупицу правды о звере внутри него.

Затем Леся быстро собрала вещи: тёплые толстовки, плед, огромный старый термос, что хранил тепло целую вечность, большой пакет бутербродов, пару шоколадных батончиков и окинула взглядом комнату, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Точно! Деньги. Она открыла прикроватную тумбочку. Именно в ней, в старой шкатулке, что она привезла с собой из России, она хранила свои сбережения: те несколько

тысяч, что перечисляли ей родители каждый месяц. За год ей удалось накопить совсем немного, но на бензин должно хватить.

Они отправились в путь на минивэне парня — старом, как учебники в школьной библиотеке, но надёжном. Да, на нём было множество царапин, что придавали ему особый шарм, но он ещё ни разу их не подвёл. Леся вспомнила, как они вместе с Тео клеили наклейку с флагом их с Бруклином школьной команды по баскетболу на заднее стекло через неделю после того, как она приехала из России во Флориду, и невольно улыбнулась. О посещении занятий в школе речи уже не было. Едва сев в машину, она отправила сообщение старосте, что они с Тео срочно уехали, и решительно отключила аппарат. Да, по приезде им непременно влетит от директора, и её могут отправить обратно в Россию первым же рейсом, но судьба Тео для неё сейчас была важнее.

Дорога до Аляски предстояла длинная: тысячи километров, сменяющие друг друга города и бесконечная трасса, окружённая густыми лесами. Но Леся так отчаянно цеплялась за надежду на помощь Джордана, что даже иногда ненадолго подменяла Тео за рулём, несмотря на то, что не имела прав, да и вообще плохо умела водить. Но парень был ей безумно благодарен за возможность хоть немного вздремнуть.

Иногда они останавливались на заправках, чтобы перекусить хот-догами и выпить горячего кофе из автомата, да и

просто немного пройтись. Тео заметно повеселел, и девушка уже была уверена, что все беды позади, и эта почти нормальная иллюзия повседневной жизни сможет вернуть почву под его ногами. Но стоило сумеркам сгуститься, как парень начинал меняться на глазах. Животные инстинкты просыпались всё чаще, и он уже не мог концентрироваться на дороге.

Было принято решение заночевать в машине. Благо её габариты позволяли: сиденья раскладывались, имитируя кровать, а плед и куртки служили одеялом. Тео почти мгновенно уснул, а Леся устроилась у двери и долго лежала в темноте, слушая уханье совы где-то в чаще леса и глядя на умиротворённое лицо парня. Её мозг всё ещё не мог поверить, что этот до безумия милый парень по ночам превращается в кровожадного зверя, что беспощадно убивает людей.

Глава 3

Проснулась Леся от нечеловеческого холода и совершенно одна. Двери машины были настежь открыты, впуская в салон стужу, что вымораживала собой всё, что может быть тёплым, а ватное одеяло, что она прихватила из дома, уже было не в силах согреть её тело. Вокруг была лишь трасса, уходящая вдаль асфальтовой лентой, и бесконечная лесополоса.

Девушка натянула на себя толстовку, захватила термос с горячим чаем и побрела вглубь леса на поиски Тео. Сухие ветки хрустели под ногами, подчёркивая её одиночество. Небо опять заволокло серыми тучами, а здесь, в глубине лесной чащи, было ещё мрачнее. Высокие деревья с густой кроной не пропускали даже малейший лучик света — тьма обнимала этот лес со всех сторон сразу.

Леся отхлебнула немного чая. Его тепло разлилось по всему телу, придавая сил и уверенности. Над её головой пролетел ворон. Чёрный, как ночь, с огромными крыльями и крючковатым клювом. Из школьных учебников девушка помнила, что вороны охотятся в паре с волками, подают им знаки, а после делят добычу. Значит, Тео где-то совсем рядом.

Птица поравнялась с ней и устремилась вдаль. Леся рва-

нула за ним, не замечая ничего вокруг и совсем не боясь заблудиться, но вскоре остановилась. Перед ней стоял волк. Крупный, тёмно-серый, со шрамом на морде. Это был совсем не Тео, а настоящий, голодный, лесной волк.

Она уже было медленно отступила на шаг, и чуть не наступила на чью-то лапу. Она обернулась. Сзади неё стоял ещё один волк. Он был чуть меньше, но тоже настоящий. Тогда она побежала вправо, но и там были волки. И слева тоже. Она в буквальном смысле была окружена этими дьявольскими созданиями, что безумно пугали одним своим видом. Они молча смотрели на неё, и в их глазах была та же ненависть и злоба, что она видела в глазах Тео, когда тот становился волком.

Сердце ушло в пятки, почти переставая биться. От страха она забыла, как дышать. Нос сам втягивал в себя воздух, не издавая ни малейшего звука. Но даже эта тишина казалась ей слишком громкой, провоцируя их наброситься на неё прямо здесь и сейчас. И сожрать, не оставив даже жалкой косточки.

Как вдруг из-за кустов выпрыгнуло нечто тёмное и огромное. С губ Леси уже сорвался истошный крик, но внезапно это нечто мягко приземлилось рядом с ней, закрывая её всем своим телом. Это был волк. Серый, словно утренний туман, что вот-вот растает в свете солнечных лучей. Он был выше и больше тех волков, что окружили её, его длинные клыки и пасть были испачканы кровью, а острые когти впивались в сырую землю, царапая её поверхность. Волк обернулся на

неё, и она узнала в нём Тео. Его глаза были по-прежнему янтарно-золотые, но в них не было того слепого голода, который пугал её раньше. Наоборот, в них была человечность её Тео, что по какой-то причине не спешил менять волчье обличие на человеческое.

Волк повернул голову к лесным гостям и обнажил окровавленные зубы: без слов было ясно, что это его добыча. Он медленно обошёл Лесю по кругу, очерчивая невидимую границу дозволенного, и зарычал. Его рык был наполнен такой силой, что земля под ногами задрожала. Волки заскулили, поджали уши и бросились бежать, растворяясь в призрачном сумраке леса.

Девушка была так напугана, что не сразу сообразила, что произошло, а когда возможность соображать вернулась, коснулась загривка волка, утопая пальцами в густой, жёсткой шерсти. С каждым её поглаживанием его шерсть становилась всё более тёплой, податливой, будто сама природа сдавалась её прикосновениям, и вскоре превратилась в обнажённую спину Тео. Уставший и обессиленный, он упал на землю.

Раны, что она обрабатывала ещё вчера, снова кровоточили, будто кожа не могла удерживать эти две жизни в одном жалком человеческом теле. Алые капельки сначала набирали в себя всё больше и больше крови, а потом соскальзывали вниз, на землю, кормя её болью.

Леся осторожно гладила эти раны, дрожа от страха и от

осознания того, как близко к краю сейчас находится Тео. Пальцы мгновенно испачкались свежей кровью. Она так боялась этим разбудить зверя, боялась, что одно её неверное движение пробудит ту дикую ярость, что уже ничего не сможет остановить, поэтому была максимально осторожна, едва касаясь его кожи подушечками пальцев. Но Тео спал. Так крепко, что, казалось, больше никогда не проснётся.

Но спустя полчаса он открыл глаза. В них не было ни голода, ни злобы, только усталость и непонимание.

- Леся… — прошептал он, пытаясь приподняться, но тут же поморщился от боли. — Прости… я не хотел…

- Т-сс, — прошептала она в ответ и прижала окровавленный палец к его губам, хотя он и не собирался больше говорить. — Ты меня спас.

Они добрались до машины и устроились внутри. Тео совершенно не помнил, как убежал ночью в лес, оставив девушку одну в открытой машине, как охотился в лесу на ни в чём не повинных животных. Последнее, что он помнил, — это запах Леси где-то рядом и острая вспышка ярости, когда он увидел, как волки окружили её. Затем, как отпугнул от неё волков, её тёплое прикосновение — и острую боль, что пульсировала мелкими разрядами тока в районе лопаток, там, где зверь рвался наружу, разрывая кожу когтями.

- Прости, я не должен был оставлять тебя одну, — снова прошептал он, когда они тронулись с места, и дорога снова потянулась вперёд, обещая если не спасение, то хотя бы шанс

на него.

- Ты и не оставил, — ответила Леся, глядя на мелькающие за окном деревья. — Ты спас мне жизнь.

- Да, но я же и подверг тебя этой опасности, — не отступал он, сжимая руль всё сильнее.

Девушка посмотрела на него. Он выглядел таким уставшим и измотанным: бледное лицо, усталые глаза, что моргали чаще обычного, пытаясь отогнать сон, что грозил поглотить с головой здесь и сейчас.

Она достала из кармана рюкзака шоколадный батончик. Немного подтаявший и помятый, но ещё съедобный и такой любимый у Тео, и протянула его парню.

- Держи, тебе нужны силы. И давай больше не будем начинать эту тему? Я сама пошла в этот лес.

Он выхватил батончик из её рук и с такой жадностью набросился на него, как на последнюю еду в его жизни. Леся ощутила, как далеки они от спасения и как близко сейчас его внутренний зверь. В этом голоде было что-то дикое, первобытное, что ей снова стало ужасно страшно за него.

Остаток дня они ехали почти молча, только изредка перебрасываясь короткими фразами: «Там заправка впереди», «Хочешь бутерброд?», «Давай я посижу за рулём ещё немного, а ты отдохнёшь».

К вечеру небо затянуло чёрными грозовыми тучами, окончательно убив последнюю надежду девушки на малейший лучик света сегодня. Прогремел гром, и первые круп-

ные капли дождя забарабанили по крыше минивэна. С каждой минутой дождь лишь усиливался, и всё чаще и чаще темноту разрезала молния. Дорога быстро стала мокрой и скользкой, а видимость упала почти до нуля. Капли падали на стёкла так часто, что дворники уже не справлялись с этим наплывом.

- Надо где-то остановиться, — обратилась Леся к Тео. — Ехать в такую погоду слишком опасно.

- Мы недавно проехали мотель, придётся возвращаться.

Парень резко развернул машину, и шины издали противный скрип о мокрый асфальт. От страха девушка опустила глаза в пол. Она с детства боялась грозы. Перед глазами всплыли картинки из прошлого, как она, маленькая, стояла у окна, наблюдая за дождём, и вдруг её ослепила яркая вспышка молнии. Она с таким грохотом ударила в яблоню на участке её семьи, что та разломилась пополам и загорелась. Пламя с жадностью пожирало листочки, ветки и ярко-красные плоды, и даже дождь не мог потушить этот пожар. С тех пор она вздрагивала от каждого разряда грома, а при виде молнии закрывала глаза, а сейчас она не просто стояла дома перед окном и наблюдала за грозой, она сидела в мчащейся по скользкой трассе машине, да ещё и с оборотнем наедине...

Вскоре минивэн остановился у серого здания с едва горящей вывеской «Мотель „Пристанище пирата“». Буквы иногда подмигивали в такт грому, точно тоже боялись его. Тео нехотя вылез из салона, и его тут же окатил холодный дождь.

Капли были настолько холодными, что вот-вот превратятся в град. Он по-волчьи отряхнулся всем телом, и они с Лесей побежали к входу. Пока они бежали эти пару метров, успели промокнуть до нитки. Холодные капли противно стекали по Лесиным волосам и капали на пол, образуя лужи на линолеуме.

Без лишних слов администратор протянул им ключи от номера. Небольшой, на втором этаже, но с отдельной ванной комнатой, холодильником и двумя достаточно просторными кроватями. На прикроватной тумбочке одной кровати стояла маленькая вазочка со свежей лавандой. Нежные цветы источали свой тонкий, успокаивающий аромат очень деликатно — старались лишний раз не раздражать жильцов своим присутствием.

Девушка включила обогреватель. Его тепло было как никогда кстати после холодной улицы с её дождём и лужами. Оно распространялось медленно и лениво — тоже, казалось, хотело спать. Леся достала из шкафа полотенце и принялась сушить волосы, промакивая прядь за прядью. Полотенце послушно впитывало в себя влагу, даря хоть немного успокоения.

Тео тем временем набрал себе горячую ванну. Ему было жизненно необходимо расслабиться и согреться. Причём не только телом. Он отчаянно хотел избавиться от того дикого, необузданного холода, что поселился где-то под рёбрами, но не мог достать до него ни горячей ванной, ни сладким чаем.

Его не было так долго, что Леся уже успела забеспокоиться, но, к счастью, напрасно. Вскоре он вышел из ванной таким уставшим, что ей стало не по себе. Но она всё же достала аптечку из рюкзака и, подойдя к парню ближе, заглянула в его глаза.

- Давай я ещё раз обработаю твои раны. Они могли воспалиться.

Тео не стал спорить, лишь сел на кровать и стянул с себя футболку. Следы волчьих когтей на его спине были красными, немного вздутыми и местами покрытыми тоненькой корочкой гноя. Из-за этого они выглядели ещё страшнее, чем были с утра. Девушка старалась едва заметно касаться их ватой, но Тео всё равно каждый раз вздрагивал или еле слышно шипел, сдерживая звериный рык.

- Прости, — шептала она каждый раз. — Прости, прости.

- Не извиняйся, — резко отвечал он. — Ты делаешь всё правильно. Просто… Просто это напоминает, что я не человек.

Леся резко отложила вату и перекись в сторону. Стеклянная баночка громко звякнула в тишине номера, приземлившись на деревянную поверхность стола. Это звучало как пощёчина, пощёчина её чувствам. Его слова задели её за живое, и в один миг ей стало плевать на свой страх и любые опасения.

- То, что внутри тебя живёт зверь, не отменяет того, что ты родился человеком. И я не позволю тебе забыть об этом!

- Ага, принц-полукровка, — раздражённо усмехнулся он. — Давай спать.

Он потушил свет и с головой нырнул под одеяло. Комната погрузилась в кромешную тьму, нарушаемую искрами молнии, что сверкали за окном.

Леся легла на кровать, закрыла глаза, но сон отказывался приходить. С очередным раскатом грома она осознала, как резко её жизнь изменилась не в лучшую сторону. Если раньше она беззаботно смеялась на переменах между уроками, болела за школьную команду по баскетболу в спортивном зале, пекла с Эммой синабоны по выходным, то сейчас она лежала в одном номере с оборотнем, что в любой момент мог сожрать её.

Наконец она не выдержала и достала ноутбук, открыла форум и прочитала последние пропущенные сообщения. Джордан писал, что позвал старого друга дедушки, что пережил его первые и самые яркие превращения. «Он видел, как дед ломался и собирался заново. Знает, что работает, а что нет. Он заглянет ко мне, когда вы приедете», — писал он, а затем скинул карту с точным маршрутом до его дома.

Майе, видимо, тоже не спалось. И она поделилась новыми воспоминаниями из её семьи. Она выяснила, что некоторые запахи действуют на оборотней как успокоительное. Среди них были: полынь, лаванда и ладан. «Моя тётушка всегда клала сушёную лаванду под подушку оборотням, что приходили к ней на ночлег. И все как один говорили, что именно

этот запах не давал зверю просыпаться без причины».

А Альбина прислала ссылку на статью о легендах северных народов, где упоминались «полукровки» — те, кто принадлежал и людям, и зверям, самым разным зверям, от опасных хищников до безобидных мышек и милых хомячков. В статье говорилось, что полукровки не выбирали свою природу, но могли научиться с ней жить, если находили «якорь» — человека, место или предмет, который напоминал им об их человеческой стороне. «Якорь не лечит, — писал автор статьи, — но не даёт утонуть».

Леся углубилась в чтение и незаметно для себя уснула. Полулёжа, прямо за ноутбуком.

Разбудило её тихое, почти щенячье скуление. Она открыла глаза, не понимая, что происходит, и нащупала пальцами ночник. Его едва уловимое, но такое тёплое свечение наполнило комнату почти золотым светом, и этот свет расставил всё по своим местам.

Эти звуки исходили от Тео. Парень скулил во сне, царапая руками подушку, словно маленький замёрзший щенок, что отчаянно ищет свой дом. Он дрожал, свернувшись в комочек. Его лицо и тело местами покрылось шерстью, но даже сквозь неё проглядывал страх.

- Тео, — позвала она, теребя его за плечо. — Проснись. Ты в безопасности.

Он резко открыл глаза, будто только что вынырнул из водной пучины, что засасывала его ещё глубже. Несколько се-

кунд он смотрел на неё стеклянными глазами, не узнавая, но потом осознание вернулось. Шерсть постепенно покидала его лицо, втягиваясь обратно в кожу и оставляя после себя липкие капельки холодного пота.

- Прости, я снова напугал тебя...

- Всё в порядке. Всем иногда снятся кошмары, — улыбнулась она и вернулась на свою кровать. — Хочешь, я оставлю ночник включённым?

- Не надо, — буркнул он и отвернулся к стенке.

Рука Леси машинально потянулась к выключателю, как вдруг её взгляд пал на вазочку с лавандой. Она тут же вспомнила сообщение Майи: «Полынь, лаванда и ладан успокаивают внутреннего зверя. Держи их при себе, и он никогда не сорвётся на тебя».

Девушка взяла эту крохотную вазочку, на цыпочках подошла к кровати парня и поставила её на его тумбочку. Теперь перед ним стоял маленький пахучий оберег.

«Спи спокойно», — подумала она и, потушив ночник, забралась под одеяло. Комната снова погрузилась в темноту и тишину, но она больше не пугала, а наоборот, была наполнена каким-то странным спокойствием с едва уловимым запахом лаванды.

Глава 4

Утром Леся и Тео спустились на завтрак. Парень больше не просыпался ночью и заметно повеселел. Он уже улыбался и даже не боялся обнимать свою девушку. На лестнице он притянул её к себе на пару секунд, чтобы убедиться, что она настоящая и не исчезла за ночь, как утренний туман.

Столовая буквально ломилась от людей: семьи с детьми, деловые женщины с ноутбуками неспешно попивали кофе, и несколько пенсионеров с книгами в руках. А вчера Лесе казалось, что они были здесь совершенно одни. Быть может, так и было, и за ночь, и за утро заселилось столько народу.

Но, несмотря на это, здесь было достаточно тихо: люди разговаривали осторожно, не мешая друг другу. Пара нашла свободный столик в самом дальнем уголке. На белоснежной столешнице стояли салфетницы и крошечные вазочки с лавандой, точно такие же, что были в номере, и Леся невольно улыбнулась: сам мотель поддерживал её на этом полном смертельных опасностей пути.

Тео, словно зверь, набросился на еду. Он с таким рвением засовывал куски в рот, проглатывая, почти не жуя, что девушке на секунду показалось, что эта несчастная яичница с сыром и беконом просто не способна утолить его голод. Поэтому она молча протянула ему свою почти нетронутую

порцию.

- А как же ты? — удивился он, забирая тарелку.

- Что-то есть совсем не хочется... — буркнула она и глотнула чай. Ей действительно кусок в горло не лез.

- Ну, как знаешь, — улыбнулся он и заглотил остатки её завтрака за раз, и запил всё это большой чашкой чая, заедая тостами с малиновым джемом.

После завтрака они поднялись в номер, и Леся начала собирать вещи в рюкзак, чтобы продолжить своё путешествие: пижама, футболка Тео, аптечка, термос, как вдруг взгляд пал на вазочку лаванды. Крошечные фиолетовые цветочки мирно источали свой аромат, даже не подозревая, какую роль сыграли этой ночью. Недолго думая, она схватила эти веточки, наспех перевязала бинтом, чтобы не рассыпались по рюкзаку, запихнула внутрь и застегнула молнию.

Вместе с Тео она спустилась вниз, и, расплатившись за ночлег, парень пошёл к выходу. На выходе из мотеля Леся на мгновение задержалась у стойки администратора, а затем наклонилась к нему так близко, что чуть не перелезла за стойку, и прошептала на ушко:

- Простите, я забрала лаванду из номера. Нам, правда, очень надо, — проговорила она едва слышно, и, сгорая от стыда, убежала из мотеля.

На улице уже не было того холодного дождя, что всю ночь барабанил по крыше, но небо было по-прежнему пасмурно-серым и не решалось окончательно отпустить дождь и вы-

пустить наружу солнце. Тео сел за руль, и они двинулись в путь.

- Знаешь, а ведь это была моя первая ночь за последний год без превращений, — заговорил парень.

- Рада за тебя, — улыбнулась Леся.

Она осознала, что, будучи на полпути к Аляске и Джордану, она смогла найти способ немного успокоить внутреннего зверя своего парня. Пусть это было лишь временное облегчение с лёгким запахом лаванды, но оно было.

Вскоре Тео окончательно пришёл в себя и даже начал шутить. Его звонкий, почти детский смех заставил девушку забыть обо всех тревогах и просто наслаждаться моментом. Она и вправду поверила, что её прежний Тео вернулся и больше никогда её не покинет. И только его зверский аппетит в кафе, где они останавливались, напоминал об опасности, которая ещё не миновала. Он съел две порции большой картошки фри, пару бургеров и три порции куриных крыльев.

Вечером, когда небо клонилось к закату, окрашивая его в нежно-розовый, парень припарковал машину на обочине возле леса. Он заглушил мотор, и наступила тишина. Тишина, что в последнее время не предвещала ничего хорошего. Воздух становился холоднее, предупреждая о предстоящей ночи.

- Если я убегу этой ночью, пообещай мне, что ты не пойдёшь больше в лес меня искать, — сказал он негромко, но

строго, глядя Лесе прямо в глаза.

И от этого взгляда по коже пробежал холодок. Она понимала, что он не шутит и для него это действительно важно.

- Я... Я не могу этого обещать, — начала она, не сводя глаз с его лица, — а вдруг с тобой что-то случится?

- Со своей жизнью я сам как-нибудь разберусь! — рявкнул он, но тут же успокоился, будто почувствовал, что перешёл невидимую черту и может разбудить зверя. Осторожно взяв руку девушки в свои ладони, он снова заговорил: — Пойми, Лесь, однажды этот зверь поглотит меня целиком, и боюсь, что я забуду, кто я, забуду тебя, забуду, что было между нами... И случится неизбежное...

- Я не позволю этому случиться, — твёрдо сказала она. — Даже если ты забудешь, я буду помнить за нас двоих. Поверь, я найду способ вернуть тебе человеческий облик. Не знаю как, но найду... Я не сдамся, Тео, слышишь, не сдамся!

На её глазах заблестели слёзы, а голос приобрёл истеричный оттенок. Он молча обнял её. Так крепко, словно хотел впитать в себя её слова, чтобы потом, когда станет темно, у него было что вспомнить, было за что бороться... Пусть и с самим собой...

Затем он раздвинул кресла, собираясь ко сну, и лёг на спину, устремив взгляд на звёзды, что виднелись серебристыми кружочками в окне, напоминая маленькие маяки в бездонном океане его отчаяния. Леся тем временем открыла рюкзак и достала маленький букетик уже подсохшей лаванды.

Лепестки медленно умирали без воды, но всё ещё продолжали пахнуть. Девушка сдунула с них невидимые пылинки и положила возле подушки Тео, что была сделана из его куртки.

- Думаешь, это поможет? — насторожился он, покосившись на букетик.

- Не узнаем, пока не проверим, — подмигнула Леся в ответ. — В мотеле помогло.

И, чмокнув парня в щёчку, Леся отвернулась к двери. Тео ещё долго смотрел на лаванду, будто не верил, как эти хрупкие цветы могут удержать то чудовище, что жило внутри него, и вскоре уснул.

Глава 5

Девушка проснулась, едва первые лучи рассветного солнца коснулись салона их автомобиля. Они легли тонкими золотистыми полосками на приборную панель, скользнули по стеклу и наконец добрались до лица Леси, заставив её открыть глаза. Она повернулась к Тео и обомлела от страха. Вместо парня рядом с ней лежал волк. Большой волк с густой шерстью и острыми клыками, что даже во сне выглядели устрашающе. Он мирно спал рядом, поджав лапы под себя. Его тёплое дыхание согревало воздух в салоне, делая его почти домашним.

А потом Леся заметила, что лаванда с его подушки исчезла. Лапа зверя во сне отшвырнула её к педалям. И теперь некоторые веточки обломались, потеряв былую красоту.

Дрожащей от страха рукой она дотянулась до этого фиолетового букета, а затем коснулась морды волка. Она осторожно провела ладонью по его ушам и макушке. Затем ещё и ещё. Шерсть была по-человечески тёплой, и зверь отзывался на её прикосновения лёгким поскуливанием. От её рук ещё пахло лавандой, и она шёпотом начала называть его по имени.

- Тео… Тео, ты слышишь меня? Всё хорошо. Ты в безопасности...

Постепенно его морда становилась менее страшной, почти улыбалась, затем шерсть делалась короче, а потом и вовсе растворилась в тёплом воздухе, как дым от костра. Леся разглядела шрам на спине Тео. Такой огромный, источающий свежую кровь. К её горлу подступила тошнота, и, достав из аптечки бинты, она накрыла царапины, а затем и самого Тео пледом, будто это могло защитить его не только от холода, но и от чего-то большого и страшного. И вышла на улицу.

Воздух был свежим, но тёплым — подарок самой природы после долгой, промозглой ночи. Девушка развела костёр, вскипятила на нём воду, наполнив термос сладким чаем, и вернулась в машину. Тео уже не спал. Он сидел, укутавшись в плед с головой, отчаянно пытаясь согреться.

- Держи, пока горячий, — улыбнулась она, протягивая ему термос.

- Спасибо, — поблагодарил парень и сделал глоток.

Горьковатая чаинка попала на язык, и он поморщился, а затем открыл дверь машины и вышел на улицу, с жадностью вдыхая родной запах леса и дыма.

Они ещё долго сидели возле костра, доедая остатки бутербродов, что она тогда взяла с собой. До Аляски оставалось совсем немного, поэтому можно было не экономить еду. За разговорами они выпили весь термос, вскипятили ещё воды и снова выехали на трассу.

Леся по-прежнему иногда подменяла парня за рулём. А за это время она неплохо так освоилась на месте водителя. Она

уже не путала сцепление и газ и не забывала включать поворотники, а один раз и вовсе обогнала грузовик. Тео громко рассмеялся ему вслед, помахав рукой на прощанье.

В почти ночной темноте они подъехали к дому Джордана. Маленький домик в тёмно-коричневых тонах стоял у подножия горы, словно хотел быть поближе к природе и подальше от людей. Аккуратно подстриженные кустарники обрамляли дорожку к крыльцу, а тонкий слой снега на промёрзлой земле поблёскивал в свете уличного фонаря. Леся нехотя вытащила замёрзшие руки из кармана и постучала в дверь.

- Джордан, это Леся с форума, — проговорила она, стуча зубами от холода. — Открой, пожалуйста.

Вскоре дверь отворилась, и перед ними появился Джордан. Среднего роста паренёк, в очках и с кудрями, что небрежно торчали в разные стороны, создавая ощущение, что он весь день пытался пригладить их, но сдался на полпути.

- Проходите, — сказал он и пустил их в дом.

Его рука потянулась к ручке, чтобы закрыть за ними дверь, но на мгновение замерла в воздухе, пуская в дом холодный ветер, а сам парень погрузился в собственные мысли, не замечая ничего вокруг.

Внутри было уютно, даже слишком. В центре гостиной, где они оказались, потрескивал камин с настоящими дровами, на стенах висели картины с северными пейзажами, а с кухни доносился потрясающий аромат имбирного печенья и

тыквенного супа.

- Вы, наверное, голодные с дороги? — наконец заговорил Джордан и закрыл эту несчастную дверь. — Пойдёмте поедим, и я вас познакомлю с бабушкой.

- Лучше сразу с дедушкой, — немного грубовато сказал Тео, и Джордан моментально переменился в лице.

Он опустил глаза в пол и произнёс вполголоса:

- Боюсь, это уже невозможно... Его не стало сегодня утром.

- Как не стало? — удивилась Леся, вцепившись в руку своего парня, ища в нём опору.

- Его дни на этой планете закончились, — прозвучал усталый женский голос из кухни, и вскоре Леся и Тео увидели небольшого роста полноватую женщину со смуглой кожей и носом-носом-картошкой. В её глазах было столько житейской мудрости, будто она прожила не одну жизнь, а десять. — Моё имя Джорджина, я жена Боба и знаю об оборотнях больше, чем знал он сам.

Джорджина налила им суп, поставила вазочку с печеньем и, сев напротив, начала рассказывать.

- Я узнала, что Боб — оборотень, в день нашей свадьбы. Когда вместо него передо мной оказался озлобленный волк. Я не испугалась, а начала копать. Читала ночами архивы, древние писания, изучала различные форумы. С каждым днём я узнавала о природе оборотней всё больше и больше. Я узнала о них так много, что смело могу писать о них кни-

ги. Оборотень не так прост, как кажется на первый взгляд. Он не просто зверь, он человек в звериной шкуре, и, чтобы зверь не поглотил его полностью, нужно взывать к той человеческой сути.

Она замолчала, встала из-за стола и достала семейный фотоальбом. Старые страницы шелестели в её руках. Она долго показывала гостям фотографии. Боб был на каждой. То милый и улыбчивый, то суровый, будто вот-вот превратится в волка. На одной фотографии он стоял на вершине горы, подняв голову к Луне, что нависала над ним, и эта фотография была подлинным олицетворением его двуликой сути. Женщина пролистнула страницу, и её пальцы так ласково погладили следующее фото, что Леся физически ощутила её тоску по нему. Безграничную, живую, что женщина отчаянно пыталась скрыть.

А когда Джорджина долистала альбом до последней страницы, Леся увидела вклеенный в него амулет. Высеченный из дерева, в виде небольшого сосуда на достаточно толстом шнурке. Женщина коснулась амулета кончиками пальцев и заговорила:

- От одной мудрой женщины, что прожила с оборотнем всю свою жизнь, я узнала про амулеты-якоря. Что-то, что будет напоминать зверю, что он прежде всего человек. У каждого этот якорь свой. И тогда я сделала эти амулеты. Это не просто сосуды — они пропитаны нашей с Бобом кровью.

- Разве оборотни не звереют от вида крови? — удивилась

Леся.

- Своей — нет, чужой — да. А в этом сосуде есть и та, и другая. Боб не снимал его до самого конца...

Леся слушала её, невольно поглаживая амулет женщины. Эта история впечатлила её до глубины души.

- И ваш амулет всегда работал?

- Всегда, — по-доброму улыбнулась женщина.

И девушка, набравшись смелости, достала из рюкзака потрёпанный букетик лаванды, что стащила из мотеля.

- Мне говорили, что лаванда успокаивает внутреннего зверя, и в первую ночь это действительно сработало, но сегодня Тео снова стал волком. Правда, не сбежал в лес, но всё же превратился...

Джорджина неожиданно накрыла её руку своей ладонью. Её пальцы были тёплыми, но слегка шершавыми от морщин, что скопились на них за эти годы.

- Якорем может стать только вечное, а твоя лаванда превратится в пыль уже через неделю... — безжалостно произнесла она, потому что жалость сейчас была бы хуже всего. — Уже поздно, пойдёмте спать. Вы же пойдёте завтра с нами на похороны Боба?

- Да, конечно, — чуть слышно ответила Леся, но в её голове всё ещё звенели слова Джорджины: «Якорем может стать только вечное, а твоя лаванда превратится в пыль уже через неделю». Она пыталась понять, что же может стать таким якорем для Тео, но не находила ответа.

Пока Джорджина стелила им постели в гостевой комнате, Леся стояла у окна и смотрела на горы. Такие величественные, неприступные, припорошённые снегом на верхушке, а над ними раскинулось тёмное звёздное небо и тоненькая полоска молодого месяца. До полнолуния ещё далеко, а значит, у них ещё есть шанс найти этот якорь.

Вдруг Тео обнял её за плечи. Молча, но его присутствие напоминало ей, за что они борются, и это придавало сил. Сейчас его зверь мирно спал внутри, и он чувствовал это.

- Не стой у холодного окна, — наконец сказал он, прижимая её к себе. — Можешь замёрзнуть и заболеть.

Она развернулась и посмотрела на него. Простуда казалась ей такой мелочью по сравнению с той бедой, что свалилась на его плечи.

- Просто они такие красивые, что мне на секунду показалось, что среди этих горных вершин я смогу найти ответы на свои вопросы.

- Ответы редко прячутся в горах, — устало вздохнула Джорджина.

- А где они прячутся? — пролепетала девушка чуть слышно.

- У каждого ответа свой путь... — философски ответила женщина и, потушив свет, вышла из комнаты.

Уже лёжа в кровати, Леся открыла ноутбук и написала Альбине. Ей казалось, что только профессиональный психолог поможет ей понять, что может стать якорем для Тео.

Они переписывались почти до утра. Леся писала всё, что знала и помнила: о его увлечении баскетболом, о любимом коте, что Тео нашёл на улице, ещё будучи мальчишкой, и приютил у себя, об их первой встрече и его признании в любви в пустом спортивном зале на третий день знакомства.

Слова в чате висели строка за строкой — и вдруг седьмую строку закончить не удалось.

«...признался мне в любви в пустом спортивном зале на третий день знакомства. Это было когда...» — перечитала она про себя и тут же стёрла. Пальцы не хотели двигаться дальше, а память — не хотела останавливаться.

Третий день. Невероятно, но она уже успела перезнакомиться со всей школой: Бруклин в первый же день провёл её по коридорам, ткнул пальцем в шкафчики, столовую и кабинет химии. Он тогда подшутил, что тут воняет так, что нужен противогаз, но учитель нормальный. А Тео — он шёл следом и не говорил почти ничего, только улыбался и подсказывал, где какой поворот. Эмма прибилась к ним на второй день и за вечер успела стать подругой. Всего пара дней во Флориде, а у неё уже были свои люди, свои шкафчики, свои шутки, которые она не всегда понимала. Жизнь налаживалась.

А на третий день она потерялась.

Искала актовый зал, где должен был проходить набор в команду по чирлидингу, и открыла первую попавшуюся дверь. И услышала мяч.

Ритмичный, упрямый стук — об пол, об щит, снова об

пол. Тео стоял у кольца один и бросал, бросал, бросал. Она приоткрыла дверь и спросила:

- Прости. Тут вообще актовый есть?

- В другом крыле, — он поймал мяч на лету и повернулся. — А в этом только спортивный.

- Понятно. Извини, что помешала.

Она уже развернулась, чтобы плутать дальше по коридорам, и держалась за ручку двери, когда его пальцы вцепились в её ладошку, не желая отпускать.

- Лесь, стой... — тихо сказал он. — Тут такое дело... Я, кажется, люблю тебя.

Она не знала, как реагировать. В голове не было ни одной готовой фразы — ни из книг, ни из фильмов, ни из разговоров с Эммой. Мяч подкатился к его ноге и остановился. Где-то там, в соседнем кабинете, бубнил чей-то голос — и все эти звуки казались ей из другого мира. И тогда она ответила. По привычке, на русском:

- Я тебя тоже.

Он не понял. Ни слова. Но и переспрашивать не стал — смотрел на неё и кивал. Медленно, серьёзно, словно она произнесла что-то очень важное и очень правильное. Потом улыбнулся — и с этой улыбкой было ясно: он всё понял. Без перевода.

А вечером того же дня они сидели на ступеньках его крыльца и ели пиццу с ананасами. Тео купил её без всяких предупреждений, и теперь ел её кусок за куском, почти не

дыша. Ананасы исчезали первыми — с каждого куска, с военной точностью.

- Подожди, — Леся наконец не выдержала. — Ты вообще жуёшь?

- Жую, — сказал он с набитым ртом.

- Когда?

- Когда кусаю.

Он вытащил из коробки следующий кусок, глянул на него и протянул ей.

Солнце садилось за соседние крыши, окрашивая небо во все оттенки розового. Леся положила голову на плечо парня. Он не пошевелился — только чуть наклонился к ней, как наклоняются к ветру.

В приоткрытом окне что-то зашевелилось. Сначала показалась мохнатая макушка, потом усы, потом — вся туша целиком: большой рыжий кот протискивался сквозь щель с грацией тюленя, выбирающегося на берег. Когда-то это был тощий замухрышка с улицы, а теперь Тео знатно так его откормил. Кот спрыгнул на крыльцо и, не спросив разрешения, взгромоздился Тео прямо на колени.

- А это у тебя точно кот, а не маленький медведь? — Леся отломила кусок от своего, недоеденного, и протянула пушистому господину на ладони. — Угощайся.

Кот посмотрел на пиццу. Потом на Лесю и гордо отвернулся.

- Ну не хочет, не надо. Сами съедим, — сказал Тео и ста-

щил кусок у неё из-под носа.

Леся подумала тогда: как это хорошо, что она открыла не ту дверь.

И вдруг на экране вспыхнуло сообщение Альбины.

«Якорь — это не обязательно вещь, — написала она ближе к четырём утра. — Это скорее точка опоры, к которой человек возвращается, когда весь мир вокруг рушится. Часто это не предмет, а чувство. Или воспоминание. Или кто-то, чьё молчаливое присутствие говорит: „Я с тобой“. Попробуй подумать не о том, что может удержать зверя, а о том, что может пробудить Тео».

Леся перечитала это несколько раз, а потом закрыла ноутбук и посмотрела на спящего Тео. Он лежал на боку, слегка приоткрыв рот, чтобы впустить внутрь побольше воздуха, а нога иногда нервно подрагивала под одеялом — даже во сне он не мог расслабиться до конца.

Она осторожно встала, достала из рюкзака потрёпанный букетик лаванды и положила рядом с его подушкой в надежде, что хотя бы этот горьковатый аромат подарит ему хоть немного спокойствия. Пусть даже на одну ночь...

Глава 6

Проснулась Леся почти в полдень от манящего запаха свежей выпечки. Это был божественный аромат рыбного пирога — ещё тёплого, с золотистой корочкой и сочной сливочной начинкой. Её взгляд метнулся на кровать Тео. Она оказалась пуста, а букетик лаванды лежал на холодном полу, будто нарушенная клятва. Неужели он опять сбежал?

Она прошла на кухню. Джорджина сидела у окна с чашкой чая. Пар от него медленно поднимался к потолку, а за окном у покосившегося баскетбольного кольца, что сделали из старого фонаря, играли в баскетбол Джордан и Тео. Тео бросил мяч в кольцо, но промахнулся. Джордан поймал мяч, но вместо того, чтобы продолжить игру, на пару секунд замер. Его глаза застыли на этом старом баскетбольном кольце. Может, вспомнил, как дед вешал это кольцо, а он, ещё будучи совсем мальчишкой, стоял на этом самом месте и смотрел, насколько ровно получается. Или, быть может, вспомнил, как учился играть в баскетбол, как при каждом его промахе дед приговаривал: «Ты целишься в корзину, а надо в щиток над ней. Только так попадёшь точно в цель». Эти счастливые, но сейчас особенно болезненные воспоминания впивались в его сознание, словно острые иглы, но парень быстро взял себя в руки и продолжил играть с удвоенной силой. Тео не уступал,

но не злился, а наоборот смеялся. Громко, на всю улицу. С души Леси словно камень свалился. Он в безопасности. По крайней мере, сейчас.

- Хороший он парень у тебя, сильный, — тихо начала женщина, не отрывая глаз от окна.

- Вы правда так считаете? — удивилась девушка, подсела к ней и налила себе чаю. Рука дрогнула, и она пролила немного кипятка на стол, но быстро всё вытерла.

- Видела я его волка. Огромный такой. Ломает его изнутри... Но он держится. Это дорогого стоит.

- Значит, превращение всё-таки было?

- Да, но лаванда твоя помогла. Учуял её и вновь человеком стал. Может, правда, его якорем она стала... — Джорджина усмехнулась. — Вчера я тебе твердила, что якорь должен быть вечным. А зверь рассудил иначе. Ну что ж. Значит, я знаю о якорях меньше, чем прожила лет.

Леся глотнула чай. Его обжигающее тепло проникло в горло, а потом ниже — к самым сокровенным уголкам её души, туда, где прятался её самый главный страх.

- Кстати, о якоре... Как готовятся эти амулеты? Есть какой-то специальный ритуал?

- Сами мы себе ритуал... Верить только надо... Верить, что это удержит. Остальное — дело рук.

Она встала, молча протянула гостье кусок пирога и ушла собираться на похороны. Девушка ковыряла вилкой в тарелке, периодически переводя взгляд на Тео, который бегал за

мячом в расстёгнутой куртке на улице. Он был таким счастливым, беззаботным, что ей казалось кощунством думать о волках, амулетах и проклятиях. Но она не имела права сдаваться. Она не позволит какому-то волку убить этого парня навсегда.

Похороны длились целую вечность. Леся не сводила глаз с гроба, что утопал в сырой, чёрной могильной земле, не обращая внимания на дикий холод и пронизывающий до костей ветер. Краем глаза она заметила Джордана: руки в карманах, взгляд опущен. Он стоял чуть в стороне, не рядом с бабушкой, а отдельно — ближе к дороге. Боялся подойти.

От его вида её язык буквально прилип к нёбу, и не проронила ни слова, хоть, наверное, и нужно было. Заговорила она лишь на выходе с кладбища, когда к ней обратилась Джорджина.

- Вам бы в горы подняться... Мы с Бобом часто ходили к одному старичку. Он готовил потрясающие успокоительные отвары. Ходили легенды, что он знает древние заговоры, которые способны излечить оборотня. Не знаю, правда, жив ли он сейчас...

- А как его найти? — оживилась Леся.

- Да легко. Поднимаетесь по этой дороге вверх и увидите его дом. Он там один. Томас — его имя.

Пара не стала медлить и сразу пошла по тропинке. Чем дальше они поднимались, тем холоднее становилось на улице. Дыхание быстро превратилось в белые облачка пара, ко-

торые быстро поднимались в небо. Ветер срывал с редких деревьев последние осенние листочки и швырял их прямо в лицо. Леся спрятала руки в карманы, чтобы хоть немного согреться, но даже это не помогало.

Шли они мучительно долго. Казалось, у этой тропинки нет конца и края. Ноги уже болели, но они продолжали идти вперёд, потому что остановиться означало сдаться.

А вот и дом. Маленький, деревянный, с покосившимся крылечком, что скрипело под ногами. Леся была уверена, что таких уже не бывает. Быть может, он был единственным, что хранил в себе память о былых временах и старых тайнах, которые могли помочь её парню.

Тео уже поднял руку, чтобы постучаться, но дверь неожиданно отворилась сама — дом ждал их. Они прошли внутрь. В кромешной темноте горели десятки свечей. На столе, на подоконнике, возле кровати — везде, где могла достать рука человека. Не свечи — маленькие маяки, что указывали путь. Они пахли воском и мёдом. Таким сладким и настоящим, что от этого запаха кружилась голова. Но даже сквозь этот сладкий запах ноздри Тео распознали что-то ужасно родное... Запах зверя. Он был спрятан глубоко под этой сладостью, как под слоем краски. Не свежий, не сильный. Старый, устоявшийся, вросший в дерево и ткань, как запах табака в курилке.

- Зачем пришли? — спросил мужской бас откуда-то из глубины, и послышались его тяжёлые, медленные шаги.

Леся вцепилась в руку Тео от страха и почувствовала, как он напряжён, как на его руках выступили вены. Его взгляд стал другим. Хищным, холодным, а зрачки приобрели тот самый янтарный оттенок, который был у зверя внутри него.

Наконец в темноте появился силуэт. Мужчина был настолько стар, что едва передвигал ногами. Скрюченный, с большой седой бородой и бородавкой на подбородке, которая проглядывала сквозь эти волоски. Его руки цеплялись за всё, что его окружало, — он был не в силах стоять сам. А потом девушка заметила его кисть. На ней был шрам. Старый, белый. Не от ножа или падения, а от когтей. Звериных когтей.

- Нам нужна ваша помощь, — заговорила Леся, едва шевеля губами, — мой парень — оборотень...

Едва она произнесла последнее слово, как Тео зарычал, а в её ладошку впились его острые когти, и она одёрнула руку, будто обожглась. Но на коже уже виднелись первые красные капельки крови. А странный хозяин дома даже не шелохнулся. Его серые глаза смотрели не на Тео, а вглубь него, заглядывая в глаза его внутреннему зверю.

- Спокойно, волчонок, — пробормотал он хрипло и коснулся своего шрама. — Видишь этот шрам? Думаешь, это волки? Нет. Это я. Сам себя. Давным-давно, когда впервые превратился, я рвал собственное тело — не от боли, от ужаса.

Он поднял вверх свою рубаху. Всё его тело было покрыто

шрамами: короткими, длинными, рваными. Они были расположены так близко друг к другу, что казалось, на его теле не осталось живого места.

- И я нашёл лекарство.

Он отошёл к окну, взял закопчёный котелок и поставил на плиту. Огонёк надежды заплясал над котелком, нагревая его, а старичок тем временем продолжил:

- Много оборотней я видал на своём пути, но твой словно демон лезет наружу... Откуда ты?

- Из Флориды, — ответил парень почти волчьим голосом, но мужчина в ответ лишь с грустью покачал головой, скрывая то страшное, что не хотел произносить вслух.

Он знал оборотней. Много оборотней. За его долгую жизнь в этих краях через его руки прошли десятки историй, и половина из них, увы, закончилась плохо. И почти каждая из них начиналась на юге Америки. Флоридские оборотни отличались от всех прочих, как зима от осени. Не внешне — внешне они могли быть кем угодно. Жестокостью. К человеку. Другие стаи веками учились прятать зверя внутри: уходить в леса, договариваться, терпеть. А флоридские — нет. Их внутренний зверь никогда не искал согласия с человеком. Он брал. Брал своё.

Томас видел, какими бывают последствия: города, где шёпот о волках до сих пор жив в стариках; семьи, которые сбегали среди ночи; дороги, на которых пропадали люди, а в газетах писали «дикие животные». Он знал это не из легенд

— из глаз.

И теперь рядом с ним стояла девочка, которая полюбила оборотня из Флориды. Скажи он ей всё как есть — и что она услышит? Что волки Флориды нападают на людей. Что её Тео убийца? Куда такая правда девочке, которая уже всё решила? Она не станет бояться — она начнёт сомневаться. А сомнение для такой, как она, хуже любого зверя.

Поэтому Томас в ответ лишь с грустью покачал головой. Пусть едет домой с тем, что у неё уже есть. И пусть никогда не услышит правды.

Затем он усадил Тео на стул, налил непонятной вонючей жижи из своего котелка в кружку и протянул ему.

- На, пей. Это должно помочь.

Парень заглянул в кружку. Зелёная жидкость, похожая на тину болотную, смотрела на него из кружки. Она воняла чем-то протухшим и хвоей. Настоящей свежей хвоей, только что принесённой из леса.

Он набрался смелости и заглотил содержимое почти залпом, но этот запах застрял в горле, и жижа вылилась обратно на стол. В свете свечей Леся разглядела в этом зелье лепестки сушёной лаванды и цветы одуванчика вперемешку с какими-то корешками.

С невозмутимым видом хозяин дома вытер со стола, ополоснул кружку и снова наполнил её вонючим содержимым. На этот раз Тео проглотил эту жидкость, и тут же его глаза расширились, и в них появилась злоба. Дикая, первобытная,

и Лесе на мгновение показалось, что сейчас он разнесёт этот дом в щепки, но он пулей выбежал из дома в надежде, что свежий воздух немного вернёт ему себя.

Девушка выбежала вслед за ним, на ходу доставая из кармана лаванду. Цветы действительно рассыпались в пыль, но эта пыль всё ещё таила в себе тот расслабляющий аромат, который был так необходим Тео... Она бежала, не чувствуя ничего, кроме страха, да и дышала через раз. Воздух казался ненужным.

- Тео, постой, — отчаянно кричала она, пытаясь поймать его ускользающую руку.

- Отстань от меня! Ты делаешь только хуже! — кричал он и, резко обернувшись, оттолкнул её.

Его когти блеснули в считанных миллиметрах от её лица. Она упала на землю, выронив букетик. Цветы отлетели от веточек, и холодный ветер унёс их далеко-далеко, оставив лишь воспоминание с горьким привкусом отчаяния. А Тео обернулся волком и убежал, прыгая по горным хребтам, и вскоре его силуэт скрылся за облаками.

Она долго сидела на снегу, прижав колени к груди. В этот момент ей действительно казалось, что он прав, и она делает только хуже. Как вдруг откуда-то сзади послышался скрип и чьи-то тяжёлые шаги. Томас. Он подошёл к ней, сел рядом и протянул оберег — волчий клык на чёрном шнурке.

- Это клык первого оборотня. Если станет совсем туго, эта вещь может убить его.

Глаза Леси наполнились слезами. Ей стало страшно. По-настоящему страшно. Даже в самом кошмарном сне она бы никогда не убила Тео. Но оберег всё-таки взяла. Она молча запихнула его в карман куртки и на ватных ногах побрела к дому. Медленно, нехотя. А с неба так же медленно посыпался снег. Хлопьями. Крупными, пушистыми, холодными.

Сзади раздался хруст. Короткий, но громкий. Она вздрогнула, но обернулась. Позади неё лежал волк. На том же самом месте, где ещё пару минут назад сидел Томас. Он лежал неподвижным серым комочком, закрыв нос хвостом. Леся подошла к нему и поняла: это Томас. Он лежал перед ней в волчьем обличье, но с закрытыми глазами. Машинально она потянулась к нему. Шерсть оказалась холодной. Настолько холодной, что снежинки ложились на неё и не таяли. Это могло означать только одно: он мёртв.

Леся опустила глаза, дабы сдержать слёзы. Ещё одна смерть за столь короткое время навевала тоску. Тогда она развернулась и пошла прочь. Молча, не оглядываясь. Она так замёрзла, что ноги совершенно её не слушались. А замёрзшие пальцы сжимали в кармане оберег Томаса. Гладкий и холодный. И зачем только она его взяла? Он ведь ей не пригодится... Но, видимо, так было нужно.

Вернувшись домой в полном одиночестве, она рухнула на кровать. Слёзы обиды сами собой покатились по щекам. Горячие, солёные — казалось, даже они не способны заполнить пустоту внутри.

Джорджина молча сидела рядом с ней несколько часов, затем принесла горячий чай и тарелку тыквенного супа, но Леся даже не притронулась к еде. Не могла. Да и не хотела.

Вскоре за окном начало темнеть. Ночная темнота накрывала собой город, напрочь убивая свет. Температура падала всё ниже, достигая отрицательных значений, а Тео всё не было. Хотя, может быть, это и к лучшему...

Глава 7

Наутро Тео так и не появился. Его кровать оставалась нетронутой и холодной. Простыни лежали так же ровно, как она заправила их вчера утром, — он и не бывал здесь вовсе. Леся решила во что бы то ни стало найти его сегодня. Она была готова облазить все эти горы, перевернуть каждый камешек, лишь бы найти его.

Поэтому после завтрака собрала в рюкзак немного бутербродов, шоколадку и уже подошла к чайнику, чтобы налить чая в термос, и вспомнила, что оставила его в машине. Нехотя накинув куртку и взяв почти собранный рюкзак, она вышла во двор. Противные ледяные снежинки ударились о щёки, впиваясь в кожу, как крошечные иголки. Но она не отступила: мысль найти Тео грела душу.

Она открыла дверь минивэна — и на мгновение её мир рухнул. На ватном одеяле, в луже крови лежал Тео. В ночной темноте он угодил в охотничий капкан и еле доковылял до машины, оставляя после себя кровавые следы, что теперь казались ей самой страшной картой в её жизни. Железные зубья крепко держали его руку, впиваясь в кость. А сам он был бледным, как сама смерть, медленно теряя сознание...

- Дай я посмотрю, — прошептала она, протягивая руки к капкану.

Он был весь ржавый и грязный, покрытый бурой коркой чьей-то крови вперемешку с землёй, от одного вида которого к горлу подступала тошнота.

Дрожащими руками Леся пыталась разжать механизм. Металл протестующе скрипел, будто не хотел отпускать свою жертву, цеплялся за неё, сопротивлялся, но всё же сдался. Кровь хлынула из ран парня, до краёв наполняя порезы и стекая вниз на одеяло, превращая его в багровое месиво. Страшное зрелище, от которого темнело в глазах. Но Леся, стиснув зубы, быстро забинтовала его руку, потратив последние бинты из аптечки. Но вскоре на белоснежных бинтах начали проступать алые пятна крови, расползаясь по всей поверхности.

- Лесь, прости меня... — дрожащим шёпотом пробормотал парень и вытащил из-под одеяла огромный букет горной лаванды. Местами на ней виднелись следы крови и волчьих клыков, лепестки были помяты, кое-где оборваны, но всё ещё хранили свой утончённый аромат. — Это тебе.

Леся улыбалась. Ей показалось это безумно милым и до боли трогательным: даже будучи в шкуре волка, он помнил, что может помочь. Она обняла его. Осторожно, боясь причинить ещё большую боль, но достаточно крепко, чтобы он понял, что она рядом и не бросит его в беде.

- Тео, я так за тебя испугалась...

- Прости, я просто не хотел, чтобы зверь навредил тебе...

- Он бы не смог, — улыбнулась она и в шутку ударила его

букетом по спине. — Со мной была лаванда.

Парень в ответ лишь улыбнулся.

И тут она заметила на его спине шрам от волчьих когтей. Он уже успел затянуться тонкой корочкой новой кожи — почти прозрачной, с едва заметным розовым оттенком. Так быстро. Видимо, тело бросило все силы на то, чтобы побыстрее избавиться от них. Парень почувствовал её взгляд на себе и накинул на плечи плед, словно хотел укрыться не только от холода, но и от её обеспокоенного взгляда. В машине и правда было холодно. Настолько холодно, что стёкла покрылись тонкой корочкой инея.

Девушка протянула ему шоколадку, и он по привычке набросился на неё, как голодный зверь. В глубине души он надеялся, что её приторная сладость сможет вернуть ему силы лучше любых лекарств. Леся смотрела на него и думала, что даже в этом есть что-то родное. Она вспомнила, что с самого первого дня их знакомства он всегда так набрасывался на еду, а она списывала это на обычный голод, даже не подозревая, что на самом деле может скрываться за ним.

Они ещё немного посидели в машине, уплетая бутерброды, что она планировала взять с собой в горы, и болтая обо всём на свете, а затем вернулись в дом, чтобы в последний раз пообедать чем-то горячим и попрощаться с Джорджиной и Джорданом. Нужно было ехать дальше. Леся договорилась о встрече с Майей. Её тётушка после ухода из волонтёрского сообщества открыла тайный «отель для оборотней». И те

шли к ней, передавая адрес из уст в уста, словно древнюю мантру. Ведь у неё был свой метод — простой, но действенный, без сомнительных зелий и древних заговоров.

Едва они зашли в дом, как столкнулись с рассеянным взглядом Джордана. Нет, он не испугался, скорее потерялся, сразу поняв, что случилось, но не поняв, чем может помочь. Затем он метнулся к себе в комнату и вернулся с несколькими пачками бинтов внушительных размеров.

- Пригодятся в дороге, — сказал он, протягивая бинты Лесе.

- Спасибо, — улыбнулась она, поправляя прядь волос, что вечно мешала обзору.

Лаванда, что была в её руке, цеплялась за волосы, и Джордан увидел кровь на её стеблях. Кровь пачкала небрежно оборванные стебли, и он понял, что цветы рвал вовсе не человек. Он прикусил губу. За несколько дней до смерти его дед принёс бабушке точно такой же окровавленный букет. Только кровь на том букете была не его, а его добычи.

Дед тогда уже почти не вставал с кресла. К сумеркам всё чаще оставался волком: зверь держал его крепче, чем он держал зверя, и держался, пока держалась жизнь. И вот в один из таких вечеров, в серых сумерках, из лесу вышел волк.

Джордан увидел его из окна своей комнаты. Волк шёл к дому медленно, неуверенно, иногда останавливаясь, чтобы отдохнуть, а в зубах нёс цветы. Целую охапку полевых, тех, что растут у дороги до самого снега. Стебли были помяты

зубами, и на них темнела кровь. Добычи. Дед возвращался из леса и человеком, и зверем, и добыча не раз оставляла следы на обоих.

Бабушка вышла на крыльцо ещё до того, как волк зашёл в калитку. Не испугалась. Не позвала никого. Наклонилась и — это движение Джордан запомнил навсегда — осторожно вытащила букет из волчьих зубов, придерживая морду ладонью. Так забирают первый подарок, сделанный своими руками: бережно, чтобы ничего не сломать.

- Ну и кто тебя просил тащить это через весь лес? — сказала она, перебирая помятые стебли, будто не видела крови. — Всё помял. Ну да ладно. — Она коснулась кончиком носа одного цветка. — Всё равно красивые. Самые красивые в этом году.

Волк опустил голову и дёрнул хвостом.

- И не смей хвост поджимать, — строго сказала бабушка. — С таким букетом я когда-то выходила замуж. Думаешь, я забыла?

Волк проследовал в дом. А утром на кухне за столом сидел уже дед. Тихий. Смущённый. Он смотрел на цветы в трёхлитровой банке на подоконнике так, как не смотрел ни на одну добычу за всю жизнь.

- Сорвал в лесу, — сказал он тихо. — Донести по-человечески уже не смог. Волком пришёл.

- Главное донёс, — ответила Джорджина, не оборачиваясь.

Через несколько дней деда не стало.

А сейчас Джордан стоял на кухне и смотрел на окровавленные стебли в руке Леси. И вдруг понял то, чего не понимал годами. Дед всю жизнь говорил ему у баскетбольного кольца: «Ты целишься в корзину, а надо в щиток над ней. Только так попадёшь точно в цель». Мальчишкой он думал, что это про игру. А теперь понял: это про жизнь. Бабушка целилась в щиток — она любила не деда-человека и даже не деда-волка, а Боба. Всего целиком. Поэтому не боялась ни крови на стеблях, ни зверя на крыльце: зверь нёс то же самое, что понёс бы человек. Просто у зверя для этого был другой инструмент — зубы.

А сейчас Тео поступает так же: рвёт цветы для своей любимой волчьими лапами. И, судя по лицу Леси, даже не догадывался, что это было признание. Признание волка.

«Может, сказать ему?» — подумал Джордан. И тут же решил, что не стоит. Некоторые вещи каждый должен понять сам.

Джорджина продолжала колдовать на кухне. Она молча завернула им в дорогу целый мясной пирог, что достала из духовки 10 минут назад, и заботливо порезала на кусочки, чтобы есть было удобнее. Он ещё дымился, источая свой ни с чем не сравнимый аромат, от которого текли слюнки. А Леся в ответ отщипнула ей несколько веточек лаванды из своей огромной охапки в знак благодарности, да и просто на память, чтобы длинными холодными вечерами Джорджина

могла вдохнуть этот аромат и вспомнить их с Тео.

Тео подошёл к Джордану и протянул ему руку.

- Рад был познакомиться.

- Я тоже, — улыбнулся Джордан. — Удачи на дорогах.

- Спасибо. И не бросай баскетбол, у тебя круто получается.

Джордан покраснел — для него это был самый важный комплимент в жизни. Он не знал, как на него реагировать, и просто улыбался, мысленно повторяя эти слова снова и снова. Только в его голове они почему-то звучали не его голосом и даже не голосом Тео, а голосом деда. Потом он обязательно поймёт, что с ними делать, а сейчас просто повторял, повторял, повторял...

Они попрощались, и машина тронулась с места, медленно выезжая со двора. Леся вглядывалась в дорогу, на склоны гор, укутанные в снежные плащи, на мелькающие дома и думала о том, что впереди их ждёт ещё немало испытаний. Не факт, что они будут лёгкими, но теперь она знала: они не одни на этом пути. У них есть люди, которым не безразлична их судьба.

Глава 8

Дорога до Сиэтла заняла почти неделю. Вполне обычную неделю без ужасных приключений и побегов Тео в лес. Они старались ночевать в мотелях, чтобы хоть как-то отдохнуть от дороги и поесть нормальной домашней еды: горячего супа, спагетти с томатным соусом и мясными шариками, творожных сырников с клюквенным джемом. При виде еды глаза Тео каждый раз становились больше, и он по привычке набрасывался на неё, но спустя мгновение замедлялся, словно мысленно ставил зверя на место. Он пытался запомнить запах, ощутить вкус, а не просто набить желудок, чтобы потом, когда он облачится в волчью шкуру и мир станет холодным и серым, он мог вернуться к этим воспоминаниям, а значит, и к самому себе.

И это помогало. Волчьи повадки всё реже проскальзывали в его поведении: он реже вздрагивал от резких звуков, реже скалился, если кто-то слишком близко подходил к Лесе, и всё чаще шутил.

На шестой день, за один город до Сиэтла, они остановились в мотеле у самой трассы. Небольшой, два этажа, выкрашенный в бледно-голубой, с деревянными качелями на лужайке перед парковкой и большими кустами ещё цветущих гортензий. Большие, бледно-розовые, с таким же тон-

ким ароматом, как у лаванды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.